

Александр Валерьевич Алексеев:

Историческая грамматика русского языка. Учебник и практикум для академического бакалавриата.

Москва: Юрайт, 2016, 314 с.

ISBN 978-5-9916-4934-6.

Рецензируемая книга является учебным пособием по курсу исторической грамматики русского языка для студентов-русистов. При ее составлении она была ориентирована на последние результаты научных исследований в данной области, показывает сложность и неоднозначность ряда проблем исторической фонетики и исторической морфологии. Вопросы исторического синтаксиса рассматриваются в контексте изучения тех или иных грамматических форм и категорий. В учебнике предлагаются современные трактовки некоторых спорных вопросов истории русского языка. Его автором является Александр Валерьевич Алексеев, доцент кафедры русского языка Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета и одновременно доцент кафедры теории и истории языка филологического факультета Православного Свято-Тихонского гуманитарного университета.

Приступая к изучению исторической грамматики русского языка надо иметь в виду, что данная дисциплина должна рассматриваться в контексте единого и последовательного изучения истории русского языка; она складывается из трех дисциплин, это: старославянский язык, историческая грамматика русского языка, история русского литературного языка.

Границы существования русского языка определяются языковыми (основными изменениями в фонетической и грамматической системе) и экстралингвистическими факторами (развитием культуры, государства и общества). Автор настоящего учебного пособия выделяет в истории русского языка четыре этапа: первый этап (VI–X вв.) – это период формирования основных черт языка восточных славян; второй этап (конец X–XVII в.) – происходили важнейшие процессы, определившие распад общевосточнославянского языка на три ветви (существование Киевской Руси, формирование древнерусской народности); третий этап (XIV–XVII вв.) – обособились украинские, белорусские и собственно русские диалекты (существование Московской Руси и формирование великорусской народности; русский язык этого времени принято называть старорусским); четвертый этап (конец XVII – настоящее время) – совершается упорядочиванием литературного языка, развивается словарный состав, функционирует национальный русский язык, впервые представленный в произведениях А. С. Пушкина; в XIX в. происходило уточнение отдельных грамматических и орфографических норм, поэтому современный язык в его нынешнем облике существует фактически со времени орфографической реформы 1917–18 гг.

Заданием курса исторической грамматики является проследить, как в древнерусском языке постепенно накапливались изменения в области фонетики и морфологии, определившие облик современного языка, и как эти изменения отразились

в письменности. Автор полагает, что точная периодизация истории русского языка становится возможной при изучении фонетики. Периоды развития он называет синхронными срезами. В древнерусском языке он выделяет три синхронные среза. Первый синхронный срез (с середины X до начала XI в.) – исходная точка древнерусского языка. Это период, когда в восточнославянских диалектах уже исчезли носовые гласные, но еще сохранились полумягкие согласные. Здесь уточняется, что в XI в. происходило не смягчение полумягких, а их сохранение и фонологизация при одновременном преобразовании палатальных в палатализованные. Преобразование в палатализованные открыло путь к окончательному оформлению соотносительной категории твердости-мягкости. Увеличение состава согласных фонем повлекло за собой увеличение фонематической роли консонантной системы в русском языке. Звуки *ц*, *ы*, до сих пор самостоятельные фонемы, стали теперь позиционными вариантами. Первый синхронный срез может называться исходной точкой древнерусского языка. Предшествующий ему период должен оцениваться как время существования общеславянского (праславянского) языка в его поздней, диалектно раздробленной форме. Второй синхронный срез (от начала XI до начала XII в.) открывается появлением полноценной фонологической мягкости у всех согласных и заканчивается утратой редуцированных. Как известно, этот процесс не произошел случайно, его причины были системные. Начало отразилось в письменных памятниках уже в XI в, а окончательное его завершение во всех русских говорах относится к XIV в. Третий синхронный срез ограничен временем до начала XIV в. (утратой редуцированных), но не имеет точной нижней временной границы. Считается, что основные принципы строения фонетической системы уже не изменялись. Вместе с тем последствия утраты редуцированных проявлялись в течение длительного времени и окончательно оформились только к началу XVII в. Последующие фонетические процессы вели к формированию современной фонетической системы и происходили уже в пределах старорусского языка (депалатализация *е* > *о*, фонема *ъ* совпала с фонемой *е*, сочетания *гы*, *кы*, *хы* превратились в *ги*, *ки*, *хи*, шипящие *ж*, *ш* и свистящий *ц*, исконно мягкие, превратились в твердые, утрата количества гласных звуков, в произношении начали редуцироваться безударные гласные).

В рецензируемом пособии посвящен самостоятельный раздел соотношению устной и письменной форм в истории русского языка. Дошедшие до нас письменные источники позволяют анализировать письменную форму языка. Устная форма существовала в виде совокупности диалектов, изучать ее помогают ошибки в рукописях. Важным источником знаний о северных диалектах древнерусского языка являются новгородские берестяные грамоты. Одновременно разбирается происхождение и история русской письменности. Ее появление относится к X в. Связано оно с принятием христианства на Руси. Письменная форма языка содержится в древнерусских пергаменных и бумажных рукописях. Многие произведения известны по поздним спискам. В этом смысле показательна ситуация с древнерусской летописью «*Повесть временных лет*». Протограф был завершен к 1110 г., однако в исходном виде до нас не дошел. Несмотря

на появление в XVI в. книгопечатания, рукописная традиция сохранялась до XVIII в. В начале XVIII в., при Петровской реформе, было принято совершенное начертание букв, ориентированное на западноевропейскую латиницу (т. наз. гражданский шрифт). В составе русского алфавита проходили на протяжении нескольких столетий изменения. Окончательная рационализация и секуляризация графики осуществилась в результате реформы 1917–18 гг.

При изучении морфологии отдельные синхронные срезы не выделяются. Вместо того рассматривается происхождение основных грамматических признаков. Целью исторической морфологии является выявить основные процессы, действующие в истории морфологического строя языка от древнейших времен до современного состояния. В древнерусском языке различались в основном известные и в современном русском языке части речи, характеризующиеся присущими им грамматическими категориями. Части речи несколько отличались от современного состояния. Четко противопоставлялись имена и глагол. Именные категории выражались именем существительным, именем прилагательным, счетными словами, которые принято в древнерусском языке не выделять их в отдельную часть речи. Счетные слова были близки к прилагательным и существительным. По этой причине раздел, посвященный числительным, следует в настоящем пособии за изложениями исторических изменений в области существительных и прилагательных; завершает раздел, описывающий ситуацию в системе древнерусских прилагательных. Их оформление как самостоятельной части речи завершилось к XIV–XV вв. Противопоставление существительных и прилагательных было менее отчетливым, поскольку краткие прилагательные склонялись как существительные. Как особая часть речи они сформировались в праславянском языке. От существительных отличились семантической и синтаксической функциями. Гипотезы об их происхождении разбираются в настоящем учебнике. Противопоставление кратких × полных прилагательных было связано с категорией определенности || неопределенности. Местоимения примыкали по набору категорий к именам, однако личные местоимения выражали дополнительно категорию лица.

В целом в древнерусском языке имена могли выражать категорию падежа, числа, рода, далее тип склонения, лицо, определенность.

В древнерусской оппозиции по числу должны рассматриваться такие особые формы собирательных существительных, как слова женского рода на *-ия* со значением совокупности лиц (ср.: *братия*) и слова среднего рода на *-ие* со значением совокупности предметов (ср.: *листье*).

Категория рода была классифицирующей для существительных, синтаксически зависимой – для прилагательных и местоимений. Однако в праславянском языке от рода не зависел тип склонения. Принцип рода проявился в процессе переразложения основ, как новый семантический принцип распределения существительных по склонениям. В результате таких изменений некоторые склонения утратились (непродуктивные типы – они перешли в продуктивные типы склонения). Взаимодействие разных склонений происходило в виде смешения и конкуренции падежных окончаний.

Наиболее раннее смешение падежных флексий засвидетельствовано у мужских основ на **ǫ* и на **и*. В настоящем пособии затронуты такие изменения в склонении древнерусских существительных, как устранение полных альтернатив конечных согласных основы, замена окончаний в мягкой разновидности под действием морфологической аналогии со стороны твердой разновидности, во множественном числе наметились тенденции к унификации окончаний, развилась категория одушевленности, была устранена категория двойственного числа.

Что касается неизменяемых частей речи, внимание уделяется только наречиям; основу этой части речи составляла группа первообразных наречий, сформулированная еще в праславянскую эпоху. По мнению автора пособия, вопрос об их происхождении полезно рассматривать в контексте истории местоимений, поскольку допустимо предположение, что древнейшие наречия возникали на основе местоименных корней.

История глагола представлена спрягаемыми и неспрягаемыми формами. Исходная глагольная система близка глагольной системе других славянских языков, особенно старославянскому. Все глагольные формы делились на простые и сложные. Долгую историю в индоевропейских языках имеет выражение времени и вида. Темпоральность и аспектуальность тесно связана между собой. Языковеды исходят, как правило, из гипотезы, что первоначальные глагольные формы в праиндоевропейском языке выражали скорее аспектуальное значение, позволяли противопоставить различные способы протекания действия (протяженность, мгновенность, начинательность, с одной стороны, и однонаправленность, завершенность с другой). Постепенно такие различия переосмыслились в категорию времени, и в праславянском языке сформировалось древнейшее противопоставление настоящего времени и прошедшего завершенного действия – аориста. После развития темпорального противопоставления презенса и аориста сохранялась потребность в выражении аспектуальных различий, в частности противопоставления действия по длительности. В результате развилась новая оппозиция: аорист (одновременное действие) – имперфект (протяженное действие). Остальные древнерусские формы времени образовались аналитически (перфект – результат актуальный для настоящего, плюсквамперфект – результат актуальный для прошлого). Таким образом, древнерусские глагольные формы совмещали выражение временных значений с выражением значений аспектуальных. После установления категории времени, незадолго до начала исторического времени начало развертываться новое видовое противопоставление: несовершенный – совершенный виды. Постепенное становление новой видовой системы готовило почву для разрушения старой временной системы с простыми претеритами. Универсальной формой прошедшего времени стал перфект. Глагольные приставки первоначально изменяли лишь лексическое значение глагола, при развитии новой системы видов они начали грамматикализоваться, т. е. менять несовершенный вид в совершенный. Грамматическая категория вида формировалась на протяжении нескольких столетий. Лингвисты считают, что ее окончательное формирование завершилось к XVII–XVIII в. С развити-

ем категории вида произошла дивергенция синкретичных форм настоящего времени: 'действие в момент речи с направленностью в будущее' → 'действие в момент речи (процесс)' – 'результат действия в будущем'. Эта дивергенция основ соответствовала делению основ на непередельные (*иду*) и передельные (*приду*). Основой для формирования значения абстрактной будущности в русском языке стала фазовая семантика (глаголы *хочу, начну, почну, имамь*). Однако вместе с выделением простого будущего времени окончательно произошел выбор в языке универсального глагола-связки *буду*, который начал широко употребляться в письменности с XVI в.

Самостоятельно толкуются в настоящем учебном пособии именные (неличные) формы глагола – причастия (их краткие формы действительного залога с XIV в. стали развиваться в деепричастия), инфинитив и супин. Как известно, инфинитив и супин являются по происхождению именными формами. Супин выступал после глаголов движения. Уже с XI в. стал вытесняться из языка и заменялся инфинитивом. Исходя из письменных памятников, можно сказать, что к XIV в. был почти полностью вытеснен. Современные формы инфинитива, восходящие к прежнему супину, выполняют в предложении роль обстоятельства цели (ср.: *Летом мы с отцом ходили ловить рыбу*).

В теоретической части учебника после каждого тематического раздела приведены вопросы, служащие для самопроверки. В состав учебника включены упражнения, текстовые фрагменты для анализа, тестовые задания, позволяющие использовать его в качестве учебного пособия при самостоятельной работе и на семинарских занятиях.

В рецензируемом учебном пособии описывается языковая система, начиная с древнерусского периода; в это время на основе восточнославянских диалектов начал формироваться единый язык. Прослежены основные изменения на уровне фонетики и морфологии русского языка от X до начала XVIII в., и в отдельных случаях – до настоящего времени.

Aleš Brandner

Department of Slavonic Studies

Faculty of Arts, Masaryk University

Arna Nováka 1, 602 00 Brno

Czech Republic

brandner@phil.muni.cz